БудущееВпоследствии, оглядываясь на пройденный путь, люди с восхищением отмечали, насколько точны и совершенны были планы богов. Казалось, они всегда точно знали, какой снежный ком нужно сдвинуть, чтобы вызвать разрушительную лавину. Однако большинство жителей Берка, особенно те, кто был свидетелем разворачивающихся событий, морщились, вспоминая о начале этой истории. Многих мучил вопрос: что заставляло мальчика продолжать жить в те трудные годы? Некоторые были менее великодушны, чем другие, и, подсчитывая потери овец или количество деревьев, пошедших на строительство нового дома, желали, чтобы он просто сдался. Лишь потом, когда все было сказано и сделано, а ответ стал известен, пришло осознание божественного промысла и содрогание от понимания. Ибо, в конечном счете, то, что поддерживало Иккинга Хэддока в его юные годы, было одним из его самых сокровенных секретов. Это была вера, а точнее, непоколебимое знание и уверенность, что его отец любит его. За сумасбродным лицом и сросшимися бровями, за хмурым взглядом и привычкой слушать только себя, когда они разговаривали, Иккинг чувствовал отцовскую любовь. Она проявлялась в мелочах: любимое варенье Иккинга всегда было в доме, как бы ни был занят Стоик. Как бы ни глубоко спал Иккинг, он всегда оказывался в постели. Стоик точил свой меч чаще, чем требовалось для поддержания его остроты. Иногда это раздражало, иногда было унизительно и даже обидно, ведь Стоик не скрывал, что считает своего сына неспособным защитить себя с помощью своих паучьих рук и ног. Но все это было частью повседневной жизни Иккинга. Проснись, умойся, знай, что отец любит тебя. Так он каждый день встречал свою деревню, не обращая внимания на всеобщее мнение о том, что она испорчена. Даже когда он впадал в уныние, а разочарованный взгляд отца становился настолько неприятным, что ему приходилось жаловаться Плеваке, он стремился исправиться, поскорее забыть об этом, перестать быть "всем этим", потому что у него была цель, к которой он стремился, что-то важное, а именно сделать так, чтобы отец гордился им. Пока отец любил его, не имело значения, что Иккинг не мог вставить ни слова, когда они вообще разговаривали, что его постоянно поносили, и что его сверстники и жители деревни думали о нем плохо. У него была цель, он будет стремиться к ее достижению и докажет, что достоин любви и имени своего отца, или умрет, пытаясь это сделать. Ведь, черт возьми, он любил отца и деревню не меньше, просто ему нужно было показать им, что он достоин, а поскольку ему это пока не удавалось, нельзя было винить их в том, что они обиделись. Именно поэтому он не остановится, пока не добьется своего. В конце концов, он был викингом. У него были... проблемы с упрямством.Его карточный домик получил первый удар по фундаменту, когда они впервые выпустили Злобного Змеевика. Сильные ветры уже раскачивали конструкцию, а его время разделилось между первоначальной целью - завоевать уважение отца и заслужить его любовь, и растущим любопытством, которое он испытывал к своему новому увлечению. Дракон так сильно манил его, заставляя переосмыслить мир, который он знал с тех пор, как стал достаточно взрослым, чтобы помнить слова. Он начал думать о опасных вещах. Взгляд Иккинга уже начал шататься и смещаться, деформироваться, как кусок металла в кузнице, который без устали колотят, так что он уже не походил на свою первоначальную форму, но и не был похож на готовое изделие.Потом Астрид открыла рот, и земля задрожала у него под ногами. После того как он выбежал с арены и бесцельно топал по деревне, игнорируя всех и каждого, в его голове постоянно крутилось множество острых мыслей. Разочарованные взгляды, молчаливые трапезы и публичные выговоры предстали в ином свете, или, по крайней мере, он пытался это сделать, потому что от одной этой мысли ему хотелось заболеть. Поэтому он отбросил эти мысли в сторону, вышел из холодного пустого дома и отправился в кузницу. Там он провел несколько продуктивных часов, прежде чем щит и рыба были выбраны и отнесены в бухту, где, неизвестно как, ждало его будущее. После этого его мысли об опасных вещах только усилились. Он начал думать о том, что их знания ошибочны, их поведение тоже. О том, что, возможно, любовь можно заслужить по-другому, или что есть другое, иное решение, третий вариант в бесконечной войне за выживание, которую ведут рептилии. Все это требовало перемен, а перемены не слишком нравились викингам, особенно с их упрямством, которое, как

правило, было в крови.По мере того как росла его любовь к игривому, невероятному дракону, а его отношения с Берком становились все более отдаленными из-за его вины за то, что он так тщательно всех обманывал, сердце Иккинга все больше и больше разделялось, поляризуясь между его естественным желанием быть любимым, которое Беззубик удовлетворял в избытке, и его естественной верой в то, что он должен заслужить эту любовь - любовь, которую испытывал к нему его отец и которая все еще удерживала его на корню привязанным к Берку.Потом отец вернулся, и впервые за долгое время - может быть, за всю жизнь? Иккинг был уверен, что такое время было до того, как не стало его мамы - Стоик смотрел на сына, лопаясь от гордости, и Иккингу стало не по себе. Он так старался, чтобы заслужить это выражение лица и рассмешить отца, что невольно понадеялся на то, что отец, по крайней мере, понял его уловку, потому что он все-таки его отец. Что он действительно знает о Беззубике и поддержит его в этом деле. Это было глупо, правда. Топор упал с могучим ударом всего через несколько песчинок, оставив карточный домик Иккинга трепыхаться внизу живота и опускаться к ногам. Все эти годы худшего викинга, какого когда-либо видел Берк! Один, это было жестоко! Я почти отказался от тебя! Иккинг не мог припомнить случая, когда ему было так больно. Даже после нескольких первых падений с летящего дракона его синяки и ушибы казались теперь не такими болезненными. Слова Астрид и многих других, казалось, поднимались сквозь воду его разума, как масло, и дразнили его: он действительно был лишь разочарованием. На самом деле отец не выносил не то, как он выглядел, а всего его. Это было остро, всепоглощающе и ужасающе. А еще это было очень грустно, понял он каким-то уголком сознания, не занятым нейтральным выражением лица, потому что он действительно очень любил своего отца. И Берка. Но было глупо не признать, что это чувство не было взаимным - и, очевидно, никогда не было. Отец ушёл, и Иккинг, словно окаменев, оглядел крошечную мастерскую. Несколько мгновений он не мог сообразить, что чувствует. Альбом для набросков лежал на столе, рисунки Беззубика словно насмехались над ним. Его отец видел в Иккинге лишь то, что хотел видеть. Даже если бы он смотрел на эти планы хвостовых плавников, на эти эскизы ночной фурии в разных позах, Стоик всё равно бы не увидел Иккинга по-настоящему. Никогда. Он не ждал, когда сын проявит себя. На самом деле, Стоик почти перестал надеяться, что Иккинг станет кем-то, кроме худшего викинга в Берке. Молчаливое взаимопонимание, о котором мечтал Иккинг, — отец, который любит его, несмотря ни на что, — всё это было лишь в его голове. Разочарованные взгляды, молчаливые обеды, публичные выговоры — всё это обрело новый, отвратительный смысл, впервые открытый Астрид. Отец не поощрял его, не проявлял жесткой любви, которой так жаждал Иккинг. Он просто устал от этого неуклюжего парня, который постоянно всё портил и делал его жизнь несчастной. Иккинг горько плакал. Не каждый день понимаешь, что ты никому не нужен, не каждый день узнаешь, что отец, которого ты боготворил, на самом деле тебя не любит. Но он не позволил себе утонуть в отчаянии. То, что он не плакал с тех пор, как умерла мать, было предметом его гордости. В этом он был викингом. Он вытер слезы, сделал глубокий, дрожащий вдох и начал думать. Он написал три письма. Одно оставил Плеваке в кузнице. Два других будут доставлены адресатам лично. Из мастерской он вынес всё, что мог унести, спрятал в тайных местах, доступных только ему. Зная, что времени мало, Иккинг направился к докам. Там была лодка, которую он освободил для отвода глаз. Затем он вернулся домой, прочесал чердак, удалив все следы своего существования. Большинство вещей он унёс, а оставшиеся аккуратно сложил в углу. Одно из писем он положил на деревянную раму кровати. На мгновение его охватило искушение пойти на арену и освободить драконов, особенно кошмарных. Но он отбросил эту мысль. Сожаление, как и другие чувства, зародилось в его груди. Опасность быть обнаруженным была слишком велика. Беззубик не выжил бы в одиночку. Взяв второе письмо, Иккинг взвалил на плечи плетеную поклажу и небольшой мешок с припасами. Он направился к бухте. Беззубик был одновременно и забавным, и смущённым, увидев его в такое время. Затем он уловил настроение Иккинга и начал утешительно подталкивать его, шепча свои мысли. Беззубик всегда понимал его. В этот момент его утешительные стоны были тем, что заставляло Иккинга

не сдаваться. Берк не заботился о нём. Он и в самом деле частенько плохо себя вел. А его отец… заслуживал гораздо большего, чем быть обузой для сына. Иккинг думал, что поддерживает его. Что, если он продолжит стараться и в конце концов проявит себя, то заслужит право занять место рядом с отцом. Маленький соблазнительный голосок шептал ему на ухо, уговаривая забыть обо всём этом, вернуться в деревню и использовать свой шанс на арене. Отец так гордо говорил о нём! Казалось, он наконец-то добился своего. Но теперь эта иллюзия была разрушена. Иккинг знал, что гордость Стоика была неуместной, что их отношения были разными. Иккинг Хэддок Третий решительно кивнул и подтолкнул Беззубика вверх. Он ещё мог сделать кое-что для отца и своего дома. Он мог убрать из Берка самого страшного викинга, которого тот когда-либо видел. Если он так крепко держался за упряжь Беззубика, что ушиб руку, и если он проплакал всю дорогу до следующего крошечного необитаемого острова, это было неважно. Теперь его ждало что-то новое. Беззубик предлагал себя для этой работы. И всегда оставались его знания о драконах, над которыми можно было поработать. Возможно, если он изменит сознание достаточного количества людей, с набегами можно будет бороться по-другому. Лучше. С меньшим количеством жертв. Наступил следующий день. Планы богов уже были приведены в действие. Или так решили люди, оглянувшись назад. Но так и должно было быть. Асгард заботился о своих героях, а Иккинг Хэддок, безусловно, был одним из них.

http://tl.rulate.ru/book/92895/3050538